
ПРОШЛОЕ И БУДУЩЕЕ РУССКОГО НАРОДА В РАССКАЗАХ А. ПЛАТОНОВА О ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЕ

О.Ю. Алейников

Российский университет дружбы народов
Кафедра русской и зарубежной литературы
ул. Миклухо-Маклая, 10-2а, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются рассказы А. Платонова о Великой Отечественной войне в свете творческих стратегий писателя. Выясняется специфика художественной рефлексии писателя о прошлом и будущем русского народа, несовпадение дискурса, реализованного в военной прозе А. Платонова, с идеологией и практикой советской печати, соотношение художественного и пропагандистского дискурса. Исследуются способы воплощения «мнения народного», идеалов и ценностей демократического сознания. Предметом анализа является художественная прогностика писателя в условиях подцензурного повествования.

Ключевые слова: проза А. Платонова, творческие стратегии, ценности демократического сознания, художественная прогностика.

«Для отдельного человека и для целого народа нет преимущества жить в том или другом веке, теперь или тысячи лет назад», — подчеркивал А. Платонов в одной из своих литературно-критических статей 1930-х гг., не соглашаясь с политизированными оценками «жизни народа в веках» [8. 220]. (В первоначальный текст статьи редакторами и цензорами были внесены многочисленные исправления: «нет преимущества» заменяли на «нет стыда или ущерба», «теперь или тысячи лет назад» — на «сто или две тысячи лет тому назад» и т.д.)

В годы Великой Отечественной войны рефлексия писателя о русском народе, его прошлом и будущем существенно отличалась от представлений и оценок, растиражированных советской печатью. У большинства участников литературного процесса события Отечественной войны вызывали устойчивые ассоциации и параллели не только с далеким прошлым, но и с действиями Красной армии в пореволюционной России. События русской и советской истории, включавшие 1918—1920 гг., нарочито совмещались. Ср.: «Мы будем бить их, как бивали деды / У псковских стен и на озерном льду, / И как отцы, стяжавшие победу / В недавнем восемнадцатом году» [11. С. 3]. Или: «Я — русский. В жарком бою я как бы вижу перед собой всех своих предков — и русского дружинника с секирой, и ополченца 1812 года, и брусиловского солдата, показавшего немцам, где раки зимуют. Вижу родного отца, штурмующего Перекоп в гражданскую войну» [4. С. 2]. В политизации уроков недавней истории дальше других зашел А. Толстой, назвав борьбу с «белыми армиями» войной «Отечественной», а не Гражданской [10. С. 2].

В своих рассказах и фронтовых корреспонденциях А. Платонов не искал аналогий с известными ему эпизодами Гражданской войны. Слои времени, относящийся к первым годам советской власти, воссоздавался писателем прежде всего с нравственно-философских позиций. В ключевом для этой темы рассказе «Аф-

родита» повествователь рассуждает об аксиологии времен, находящейся в зависимости от совпадения мечты и реальности: «Бывают времена, когда люди живут лишь надеждами и ожиданием перемены своей судьбы; бывает время, когда только воспоминание о прошлом утешает живущее поколение, и бывает счастливое время, когда историческое развитие мира совпадает в людях с движением их сердец» [7. С. 348]. В тексте рассказа откликается «эхо» чевенгурской художественной прогностики. Аллегорический образ будущего, связанный в сознании героя с кораблем, плывущим к недостижимой заветной цели, напоминает о прежних сомнениях писателя [2. С. 34—43], о предпринятой им полемике с насаждавшимися идеологическими клише: «...картина светлого будущего перед его умственным взором словно отдалилась в туманный горизонт, а под его ногами опять стлалась серая, жесткая, непроходимая земля, по которой надо еще долго идти до того сияющего мира, который казался столь близким и достижимым» [7. С. 52].

Уроки Первой мировой, а не Гражданской войны являются исходным нравственно-философским посылом в рассказе «Офицер и солдат» (в авторской редакции «Сокровище отцов»). Экспозиция произведения достаточно красноречива: накануне боя немолодому донскому казаку важно мысленно поговорить не с политруком, а со станичником, погибшим в 1916 г., вчитаться в его пожелтевшее от времени письмо о непредсказуемом послевоенном будущем: то ли «братство должно наступить», то ли, как пророчат «дурные люди», навеки восторжествует «молодцеватость» [7. С. 278]. Рассказ был опубликован под названием «Офицер и солдат», которое, по логике цензоров, задавало нейтральные векторы восприятия произведения. Но духовная родословная героев, сохраненная в тексте, высвечивала непреходящий смысл прежнего названия «Сокровище отцов», злободневность тревог и надежд новой мировой войны: «У наших казаков отцы-предки хорошие были и в сынов своих доброе сердце положили. На том мы и стоим, а то бы хуже было» [7. С. 279].

Обдумывание проблем, считавшихся прерогативой вождей, полководцев, новой интеллектуальной элиты, — вопреки политическим установкам — А. Платонов доверяет людям простого звания, исповедующим ценности демократического народного сознания. Даже старшие офицеры признают «превосходство крестьянского ума» [7. С. 237], соглашаются с тем, что человеку «из народа» проще понять истинные мотивы поведения неприятеля или собственных бессердечных военачальников.

В платоновской прозе военных лет практически не упоминаются полководцы разных времен, тогда как многих советских писателей объединял пропагандистский посыл: «Москву отстояли Пожарский, Кутузов, отстоим и мы» [5. С. 3]. Крылатые выражения, приписываемые историческим лицам, в рассказах писателя преобразуются в соответствии с народной идиоматикой. В годы войны советские газеты тиражировали передовицы и статьи, заголовками которым служили фразы из русской истории: «Вперед, на врага, богатыри!», «Вперед, богатыри, вперед!» [9. С. 2], тогда как в платоновском рассказе «Оборона Семидворья» бойцы переделывают известные слова Александра Суворова «Пуля дура — штык молодец!» и дают им собственную интерпретацию, соответствующую реалиям

военного времени: «Если штык молодец, то кулак, считай, что родной отец...» [7. С. 146].

Повествователь, посвященный в круг авторских представлений, не стремится к идеализации русской «старины», но не скрывает высоких оценок в том случае, если речь заходит о мастерстве строителей дореволюционных сооружений. В рассказе «Штурм лабиринта» специально оговаривается, что герой, разгадавший секрет подземных оборонительных коммуникаций вражеского города, «самыми лучшими архитектурными произведениями» считал «русские избы» [7. С. 388]. Показательны уточнения и в рассказе «Старый человек Никодим»: после удара авиационной бомбы перевезенная на опасное место «изба... лежала на боку, но сруб ее был *старинной прочной вязки* и не развалился (выделено нами. — О.А.)» [7. С. 51].

Развернутое описание построенной задолго до революции плотины (ее «из глины и земли сложила *полвека назад* крестьянская артель» (выделено нами. — О.А.) находим в рассказе «Дед-солдат»: «Плотина стояла в сохранности до сей поры; она переживала и великие ливни, и нагорные потоки вешних вод, но бури ее не развеяли и воды не размыли, потому что плотину строили умелые крестьянские руки, привыкшие к земле и любящие ее» [7. С. 17].

А. Платонов не приукрашивал прошлое и настоящее народной жизни, но многочисленные цензурные воздействия искажали оригинальный авторский текст. Так, в рассказе «Никодим Максимов» из описания крестьянской избы («это было обыкновенное жилище, в котором рождались, проводили детство и проживали жизнь в старину почти все русские люди. Все здесь было знакомо, просто и убого, но мило и привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб») [7. С. 194] в результате редакторской правки были исключены «убого», «привычно сердцу и ненадоедливо, как хлеб». Словосочетание «русские люди» заменено на «русские крестьяне».

Между тем отвергнутая цензорами милая «убогость» русского жилища в системе историософских представлений А. Платонова является не просто одной из примет многовековой национальной действительности, но и знаком, указывающим на готовность обитателей разбросанных по России селений к «перемене» и обновлению жизни. «Русский человек любит разнообразие, — отмечает повествователь в рассказе “Три солдата”, — даже свои деревни он иногда сознательно строил непрочно и ненавечно, дабы не жалко их было переменить на другие, когда они погорят...» [7. С. 331].

Упоминание или описание «убогости» изб в военных рассказах писателя сопровождается устойчивым мотивом веры в лучшее будущее. Характерна сюжетная ситуация в рассказе «Домашний очаг». Через «один крестьянский двор», также названный «убогим», «два немецких танка — «тигры» — и пушка «фердинанд» хотели пройти напролом», были подбиты, но «мертвое присутствие» громоздкой неприятельской техники не способно помешать возрождению усадьбы: «возле уцелевшей печи крестьянка-старуха месила... глину голыми ногами, чтобы обмазать свой домашний очаг, а старик-хозяин тесал бревно на постройку в тени мертвого “тигра”» [7. С. 207].

Ценностно-смысловым центром этого произведения является пословица «С печи изба примется, а с избы все хозяйство возьмется» [7. С. 208], раскрывающая укорененное в народном сознании отношение к разрушениям и бедствиям, которые часто выпадают на долю русского человека, но почти всегда преодолимы.

Сходной задаче выражения «мнения народного» (или «мыли народной»), как писал В. Акимов об этой особенности военной прозы А. Платонова [1. С. 9], служат и другие пословицы, подчеркивающие оптимизм художественной прогностики, воплощенной в платоновских рассказах. «Войско тем и живо, что в смерть не верит» [7. С. 74] («Одухотворенные люди»); «От большого труда и чести больше» [6. С. 38] («Молодой майор (Офицер Зайцев)»); «Земле не пропадать, а народу не помирать» [7. С. 196] («Никодим Максимов»); «Смерть даром не дается» [7. С. 231]; «Горе и разор нас минуют, а добро-то от нашего дела навеки останется» [7. С. 237] («Среди народа») «Сто годов деда наши живали и нам завещали» [7. С. 390] («Штурм лабиринта»); «Солдат умирает, а народ у него на могиле расти остается» [7. С. 336] («Три солдата»).

«Мнение народное» влияет на многие участки повествования. Обратим внимание на адаптацию слов и действий, соответствующих требованиям армейского устава, ритуалам и обрядам, укорененным в народном сознании. В рассказе «Верное сердце» предлагается следующее понимание воинской клятвы: «Присяга — это молитва за родину...» [7. С. 186]. Выразительны метафоры: «Дух — этот род оружия вечен» [7. С. 226] («Размышления офицера»); «Солдат должен иметь в себе внутреннее оружие — великую душу» [6. С. 289] («Сын народа»).

В стилистическом строе произведений А. Платонова о войне достаточно широко представлены устаревшие речевые обороты, большинство из которых имеет «вневременной» характер: «Будем драться, как *спокон века* дрались русские люди» [7. С. 92] («Одухотворенные люди»); «...существовавшего *дотоле*...» [7. С. 349] («Афродита»); «И весь мир сейчас показался... столь прекрасным, словно он был *дотоле* ему незнакомым и непривычным» [7. С. 210] («Домашний очаг»); «Мир *спокон века* завоевать хотели...» [7. С. 237], («Среди народа»); «...*вечно и впрядь*» [7. С. 185] («Верное сердце»); «*спокон веков и донине*» [6. С. 287] («Сын народа (Офицер Простых)»). Происходит «возвращение» русским словам их лексических значений, вытесненных из активного употребления в пореволюционном советском обществе. Прилагательное «добрый» используется в значении «хороший». Ср.: «...в сынов своих *доброе* сердце положили» («Офицер и солдат»); «... *добрая* рожь, родившаяся в то лето напрасно» [7. С. 239] («Среди народа»). «Сущим» (т.е. «настоящим») солдатом [7. С. 334] назван один из героев рассказа «Три солдата» и т.п.

Речевые обороты, используемые для характеристики бойцов (в том числе по-лемически заостренные: «не блаженных телят воспитываю, а людей подвига» [6. С. 286]; «не блаженных телят, а героев...» [7. С. 355]), резко диссонируют с довоенным пропагандистским дискурсом, широко эксплуатировавших такие, например, метафоры, как «стальные руки-крылья», сердце — «пламенный мотор» («Марш авиаторов») и т.п.

Существенное несовпадение дискурса, реализованного в военной прозе А. Платонова, с практикой советской печати, на наш взгляд, вызвано отнюдь не «пла-

вающей точкой зрения», часто приписываемой писателю, но осознанной стратегией воссоздания и реабилитации ценностных смыслов, а не одних лишь внешних примет многовековой народной жизни. Одно из показательных размышлений находим в рассказе «Афродита»: «Одному человеку нельзя понять смысла и цели своего существования. Когда же он приникает к народу, родившему его, и через него к природе и миру, к прошлому времени и будущей надежде, — тогда для души его открывается тот *сокровенный источник*, из которого должен питаться человек, чтобы иметь неистощимую силу для своего *деяния* и *крепость веры* (выделено нами. — О.А.) в необходимость своей жизни» [7. С. 346].

Существенно, что в платоновских рассказах фронтовых лет явно минимизированы или полностью отсутствуют привычные для советской печати выражения, включавшие слова «партия», «социализм», «коммунизм». Говоря об этом, исходим из текста, восстановленного по рукописям, так как прижизненные публикации значительно искажены. В оригинальном платоновском тексте значимы замены в устойчивых словосочетаниях. Вместо «советской родины» говорится о «вечной Родине» [7. С. 91] («Одухотворенные люди»); вместо защиты «рубежей советской страны» — о «защите отчего крова, называемого Отчиной» [7. С. 221] («Размышления офицера») и т.п.

У эпитета «вечный» обнаруживаются синонимические соответствия и связи с эпитетом «священный». Рассмотрим подробнее эту особенность речевой и нарративной практики, осуществленной в произведениях писателя. Как известно, словосочетание «священная война» с лета 1941 г. широко растиражировано в советской печати. Между тем — вопреки этой практике — эпитет «священный» используется платоновским рассказчиком для характеристик русского народа, «старой» духовной сущности, изначально присущей человеку, страдающих матерей, русских солдат, родного дома, выращенного предком дерева, памятных семейных реликвий, но никак не войны. Ср.: «...наш священный народ» («Сын народа (Офицер Простых)») [6. С. 291]; «...у нас священо существо солдата, как священна мать» [7. С. 409] («Сержант Шадрин»); «священная пехота» [7. С. 193] («Бой в грозу»); «священное место человека: его жилище... дерево деда» [7. С. 224], «...океан народа, общее отцовство, понятие которого для нас священо» [7. С. 225] («Размышление офицера»).

В рассказе «Одухотворенные люди» как «...новое священное время жизни» [7. С. 85] охарактеризовано послевоенное будущее: «... много еще работы будет на свете и после войны, после нашей победы, если мы хотим, чтобы мир стал святым и одушевленным...», — уверены герои писателя [7. С. 85]. Отметим, что это произведение создано в первые годы войны, но мысли об устройстве мира после победы и тогда были злободневны и нежелательны для запретительных инстанций. Из рассказа «Мать» («Взыскание погибших») цензурой была исключена одна из ключевых фраз, передающая настроения и чаяния [3], широко распространенные в народном сознании: «...весь мир должен в разуменье войти, иначе нельзя будет, иначе — все ни к чему!..» [7. С. 220].

Герой рассказа «Молодой майор (Офицер Зайцев)» «внимательно всматривается в будущее мира, ради которого он и его сверстники и друзья годами шли против смерти; он ревниво следит, чтобы разбитые огнем врага, охладевшие серд-

па его павших товарищей оставили после себя на земле тепло счастья и свободы» [6. С. 390]. Герою довелось убедиться, что даже на фронте путь к счастливому будущему преграждают бюрократические службы. Зловещей символикой в рассказе исполнено описание канцелярского стола: тот «стоял на возвышенности под небесами, окруженный обширной степью» [6. С. 378], вознесенный над людьми, как и работающие за ним учетчики, равнодушные к ошибкам командиров и человеческим потерям.

В своей художественной прогностике не забывая о социальных опасностях, А. Платонов был убежден, что распространенные в народном сознании надежды на перемены к лучшему оправданны и оплачены подвигом павших. Во «Взыскании погибших» находим следующее характерное заключение: «...Нам надо так жить теперь, чтобы смерть наших людей была оправдана счастливой и свободной судьбой нашего народа и тем была взыскана их гибель» [7. С. 220].

Тема всеобщей и единичной судьбы в прозе писателя, как правило, связана с мечтами о будущем счастье, совсем не таком, каким оно представлялось в довоенные годы. И А. Довженко в 1943 г. напишет о возможном обновлении послевоенного мира: «У народа есть какая-то массовая, огромная потребность каких-то других, новых форм жизни на земле» [3. С. 77].

Думы о послевоенном устройстве мира в платоновской прозе озвучены по-разному. «Теперь надо каждому стараться народную пользу творить...», — убежден безымянный боец в рассказе «Добрый Кузя» [7. С. 127]. «После войны уже будет что-то другое, может быть — хорошее и тихое, как вечерняя песня...», — размышляет герой в рассказе «Офицер и солдат» [7. С. 282]. «Война — проза, а мир и тишина — поэзия», — оставляет запись во фронтовой книжке герой рассказа «Размышления офицера» [7. С. 225]. О торжестве техники в послевоенной жизни мечтает один из героев в «Обороне Семидворья»: «Он любил видеть силу человечества в огне и машинах; это питало в нем верную надежду на высшую жизнь в будущем» [7. С. 160]. Герой рассказа «Афродита» мечтает «узнать более высшую жизнь, чем та, которую он уже испытал, будучи тружеником и воином» [7. С. 343]. И повествователь согласен с тем, что придет время искать «другое счастье, иное, чем прежний мирный труд» [7. С. 343], что так важна «...надежда на высшую жизнь, на изменение и оживление в будущем всей тягостной, гнетущей самую себя природы...» [7. С. 351—352].

Интеллектуальные запросы платоновских героев не совпадают, но в разноречии голосов особое значение приобретает мысль о том, что «дух общественной свободы, высокое чувство личной независимости и одновременно впечатлительное, страстное уважение к личности другого человека» [7. С. 225] после победы должны стать всеобщим достоянием.

Записи из дневника погибшего подполковника Ф. воспроизведены как завещание мыслителя, вышедшего из народа. Но рассказ «Размышления офицера» и многие другие произведения А. Платонова о Великой Отечественной войне при его жизни не были опубликованы. Мысли и тревоги «русского пророка» — так называл писателя В. Распутин — начинают занимать подобающее им место в общественном сознании нашей страны только в последние десятилетия.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Акимов В.М.* «Солдат начинается с думы об Отечестве...» (военная проза Андрея Платонова) // Платонов А. Одухотворенные люди. Рассказы о войне. М.: Правда, 1986. С. 3—14.
- [2] *Алейников О.Ю.* Метафора нового мира в романе А. Платонова «Чевенгур» // *Филологические записки*. 2004. Вып. 22. С. 34—43.
- [3] *Бордюгов Г.* Большевики и национальная хоругвь // *Родина*. 1995. № 5.
- [4] *Коноплинов И. Я* — русский // *Красноармейская правда*. 1945. 30 апр.
- [5] *Матусовский М.* Родному городу // *Красноармейская правда*. 1941. 20 окт.
- [6] *Платонов А.* Одухотворенные люди. Рассказы о войне. М.: Правда, 1986.
- [7] *Платонов А.П.* Смерти нет! Рассказы и публицистика 1941—1945 годов. М.: Время, 2010.
- [8] *Платонов А.П.* Фабрика литературы: Литературная критика, публицистика. М.: Время, 2010.
- [9] *Сурков А.* Вперед, богатыри, вперед! // *Красноармейская правда*. 1941. 10 дек.
- [10] *Толстой А.* Что мы защищаем // *Правда*. 1941. 27 июня.
- [11] *Хелемский Я.* Мы в бой идем! // *Красноармейская правда*. 1941. 7 июля.

THE PAST AND THE FUTURE OF THE RUSSIAN PEOPLE IN A. PLATONOV'S STORIES ABOUT THE GREAT PATRIOTIC WAR

O.U. Aleinikov

Russian university of friendship of the people
Chair of the Russian and foreign literature
Miklukho-Maclay str., 10-2a, Moscow, Russia, 117198

In article A. Platonov's stories about the Great Patriotic War in the light of creative strategy of the writer are analyzed. Specifics of an art reflection of the writer about the past and the future of the Russian people, discrepancy of the discourse realized in military prose of A. Platonov with ideology and practice of the Soviet press, a ratio of an art and propaganda discourse become clear. Ways of an embodiment «opinions national», values of democratic consciousness are investigated. A subject of the analysis is the art prognostics of the writer in the conditions of a subacceptable narration.

Key words: A. Platonov's prose, creative strategy, values of democratic consciousness, art prognostics.

REFERENCES

- [1] *Akimov V. M.* «Soldat nachinaetsja s dumy ob Otechestve...» (voennaja proza Andreja Platonova) [Soldier begins with a thought about Motherland. Military prose by Andrej Platonov] // *Platonov A. Oduhotvorjonnnye ljudi. Rasskazy o vojne* [Inspired people. Short stories about war]. M.: Pravda, 1986, pp. 3—14.
- [2] *Alejnikov O. U.* *Metafora novogo mira v romane A. Platonova «Chevengur»* [Metaphor of a New world in Platonov's "Chevengur"] // *Filologicheskie zapiski* [Philological Notes]. 2004. Vyp. 22, pp. 34—43.
- [3] *Bordjugov G.* *Bol'sheviki i nacional'naja horugv'* [Bolsheviks and national banner] // *Rodina*. 1995. № 5.

- [4] Konoplinov I. Ja — russkij [I am Russian]// Krasnoarmejskaja pravda. 1945. 30 apr.
- [5] Matusovskij M. Rodnomu gorodu [To the native city]// Krasnoarmejskaja pravda. 1941. 20 okt.
- [6] Platonov A. Oduhotvorjonnye ljudi. Rasskazy o vojne [Inspired people. Short stories about war]. M.: Pravda, 1986.
- [7] Platonov A. P. Smerti net! Rasskazy i publicistika 1941–1945 godov [There in no Death. Short stories and articles] . M.: Vremja, 2010 (Sobranie).
- [8] Platonov A. P. Fabrika literatury: Literaturnaja kritika, publicistika [Factory of literature: Criticism and articles]. M.: Vremja, 2010 (Sobranie).
- [9] Surkov A. Vperjod, bogatyri, vperjod! [Ahead brave people, ahead!] // Krasnoarmejskaja pravda. 1941. 10 dek.
- [10] Tolstoj A. Chto my zashhishhaem [What we defend] // Pravda. 1941. 27 ijunja.
- [11] Helemskij Ja. My v boj idjom! [We go forward to battle] // Krasnoarmejskaja pravda. 1941. 7 ijulja.